
Айлин Лин
Графиня Оболенская
Новые горизонты

Айлин Лин

Графиня Оболенская. Новые горизонты

«Автор»
2026

Лин А.

Графиня Оболенская. Новые горизонты / А. Лин — «Автор», 2026

Санкт-Петербург, 1895 год.Мой проект моста через Неву признан лучшим, а первый русский автомобиль готовится выйти на старт гонки Париж - Бордо.Вот только французы сделают всё, чтобы моя машина не доехала до финиша, а влиятельные господа в Петербурге готовы сорвать строительство моста, чтобы доказать, что женщинам не место в инженерном деле.Вот только я никому не дам себя прогнуть, сколько бы денег и власти ни было у моих противников.Подписка.Проды по Вт, Чт, Сб.Спасибо всем, кто ставит сердечки###и оставляет комментарии!

© Лин А., 2026
© Автор, 2026

Айлин Лин
Графиня Оболенская. Новые горизонты

Глава 1

Рига. 5 декабря 1894 года

Лейтнер сбросил брезент, и я, замерев на мгновение, медленно пошла вокруг машины, стараясь разглядеть всё и сразу.

В прошлый мой приезд рама стояла на подставках, а возле неё были разложены детали передней оси. Теперь же картина изменилась: спереди установили двигатель с медным охладителем, за ним поднималась наклонная рулевая колонка с деревянным колесом, а на месте будущего кузова закрепили настил и временную скамью для двоих. Через промежутки между досками виднелись тяги. По обеим сторонам рамы тянулись цепи, передававшие вращение задним колёсам.

Без капота и кузова наша «Победа» выглядела странно. Сложно было понять в этой сборке, что это мой будущий автомобиль.

- Скамью не браните, - предупредил Александр Александрович, заметив, как я, прищурившись, рассматриваю сиденье. - Эта временная. Для пассажиров будет другая.

- Понятно, - кивнула я и наклонилась над рамой, но Пётр придержал меня за локоть.

- Сашенька, шнурок.

Шнурок с накидки и впрямь свесился к одной из тяг и я резко выпрямилась.

Макар принял у меня накидку, после чего я смогла осмотреть машину без помех. Лейтнер отвёл для наших машин часть старых мастерских. Новая фабрика ещё строилась, а ждать окончания стройки мы не собирались. За дощатой перегородкой продолжали работать над велосипедами. Оттуда доносились удары молотка и громкие голоса, временами даже перекрывавшие наш разговор.

- Как видите, двигатель поставили, - продолжил Александр Александрович, - но пришлось переделать переднюю поперечину. На чертеже крепление выглядело удобнее, чем оказалось при сборке.

Костович присел возле мотора и, кивнув, указал на болты.

- Теперь до каждого можно добраться ключом. Прежде один упирался головкой в балку. Снять мотор ещё удалось бы, а поставить обратно без ругани вряд ли.

Я присела рядом с ним. Двигатель стоял низко, а над ним оставалось место для будущего капота. Испаритель закрыли щитком, чтобы одежда сидящего впереди человека не могла коснуться нагретых частей. Провода закрепили вдоль рамы, убрав подальше от цепей.

Тимофей возился с маслёнками. У его ног стоял ящик с инструментом, а на верстаке лежала раскрытая тетрадь с записями.

- Вы теперь у нас главный водитель? - спросила его я.

- Пока единственный, Александра Николаевна, - поднял голову он и улыбнулся.

- Скоро придётся учить других, - заметила я. - Два экипажа собираем, а управлять ими умеете только вы.

- Сперва пусть этот поедет, - вмешался Костович. - Успеем учениками обзавестись.

Огнеслав Степанович произнёс это с напускной небрежностью, однако по тому, как нервно он вертел свою любимую трубку в руках, становилось ясно, что волновался он ничуть не меньше моего.

После объявления результатов конкурса прошло тринадцать дней. Я успела получить ворох поздравлений, и даже провести несколько совещаний по мосту. Как я и предполагала,

после присуждения премии свободного времени у нас стало ещё меньше. Тарасов уже составил список расчётов, которые предстояло уточнить для дальнейшей разработки «Золотого Рога».

И всё же, получив телеграмму Лейтнера, я отложила все дела, поездку на мебельную фабрику в том числе, и начала собираться в Ригу.

И вот я стою возле нашей первой машины и никак не могу перестать улыбаться.

- Что будем проверять сначала? - азартно спросила я, посмотрев на инженеров.

Александр Александрович пригласил нас пройти к столу и ткнул в журнал, в котором были подготовлены графы для времени работы, нагрузки и замечаний. Отдельно следовало записывать состояние колёс и цепей после каждого выезда.

- Сперва без груза. Проверим управление и тормоз. Затем нагрузим до расчётной тяжести, включая будущий кузов.

У стены лежали мешки с песком, на каждом мелом обозначили вес.

- На большой скорости сегодня не поедем, - добавил Лейтнер. - Во дворе для этого места нет. Но поворот, трогание и остановку проверить сможем.

Пётр склонился над журналом.

- А кто будет записывать?

- Я сам, - отозвался Александр Александрович, улыбнувшись.

- Тогда часы возьму на себя, - предложил муж.

Я с благодарностью посмотрела на него. Пётр приехал со мной, хотя в Петербурге у него хватало дел, и с утра терпеливо слушал наши разговоры о цепях и подшипниках. Впрочем, терпеливо вовсе не значило без интереса. Вчера за ужином он расспрашивал Костовича так подробно, что у меня закралось подозрение, а не начал ли супруг тайком изучать машиностроение, при этом забросив все свои дела?

Во дворе заранее расчистили дорожку. Снег лежал вдоль забора, возле водостока намёрзла полоска льда, и дворник по моей просьбе посыпал её песком.

Машину выкатили наружу вручную.

Тимофей ещё раз проверил подачу масла. Второй механик прогрел испаритель, после чего Костович велел убрать лампу и сам встал возле двигателя.

Я знала этот порядок, однако теперь всё воспринималось иначе. На стенде мотор вращал вал и нагружал тормоз. Здесь от его работы должны были прийти в движение колёса.

Двигатель завёлся не сразу. Тимофей дважды остановился, чтобы изменить подачу, а при следующей попытке мотор подхватил и заработал.

Доски временного настила задрожали и моё сердце гулко забилось в унисон с нашим двигателем.

Не передать словами, что я почувствовала! Едва сдерживаемый восторг! Так хотелось крикнуть Юху! И броситься в пляс, станцевать джигу-дрыгу. Взяв себя в руки, посмотрела на Огнеслава Степановича.

Костович прислушался, наклонился к испарителю, поправил положение крана. Звук стал устойчивее.

- Можно, - наконец разрешил он.

Тимофей уселся на скамью. Его ноги скрылись под настилом, правая рука легла на рычаг.

Мотор продолжал работать, а машина стояла. Механик включил передачу, начал соединять муфту, и «Победа» дёрнулась.

Я подалась вперёд, затаив дыхание. Весь мир сузился до нашего автомобиля, всё остальное отошло на второй план.

Тимофей разъединил привод, выждал несколько мгновений и попробовал снова. На этот раз колёса повернулись плавнее. Машина двинулась вдоль стены, оставляя на присыпанной песком мостовой полосы.

Я смотрела ей вслед, чувствуя, как у меня немеют от напряжения пальцы.

- Едет… - тихо выдохнула я, боясь моргнуть.

Пётр услышал и улыбнулся.

- Вижу.

- Петя, она едет!

- Сашенька, я вижу, - рассмеялся он и нежно обнял меня за плечи. Я на мгновение прижалась к нему, при этом не отрывая взгляда от автомобиля.

У дальнего конца двора Тимофей повернул. Внутреннее колесо отклонилось сильнее наружного, экипаж описал дугу и направился к нам. Доехав до условленной отметки, механик разъединил муфту и затормозил.

Машина остановилась.

А я, не пытаясь больше сдерживаться, счастливо рассмеялась.

Костович снял шапку, провёл дрожащей ладонью по волосам, справившись с эмоциями, повернулся ко Лейтнеру и сипло спросил:

- Ну, что скажете, Александр Александрович?

- Пока ничего. Ещё раз проедем, - отозвался тот и склонился над журналом с широкой улыбкой на губах, глаза сияли, как звёзды. Мастер был крайне доволен результатами.

После второго круга осмотрели крепления. Тимофей проверил колёса, а Костович заглянул под настил. Утечек не нашли. Цепи сохранили натяжение, гайки на креплениях двигателя не сдвинулись относительно нанесённых меток.

Заводские рабочие побросали свои дела и скучковались у ворот. К слесарям, собиравшим машину, присоединились мастера из соседнего велосипедного цеха. Все они во все глаза смотрели на происходящее. Одни улыбались, гордые результатами своего труда, другие вытягивали шеи, стараясь получше разглядеть невиданную машину.

Лейтнер, наигранно нахмурившись, оглянулся на них:

- Насмотрелись? А теперь марш за работу!

Народ нехотя разошёлся.

Мы начали нагружать машину. Мешки укладывали на настил и крепили ремнями. Под их тяжестью рессоры прогнулись, и рама опустилась ближе к осям. Тимофей проверил, не мешает ли груз тягам, и снова занял место.

С полной нагрузкой машина тронулась медленнее. Механик проехал вдоль стены, остановился, затем повторил то же самое в обратном направлении.

Я уже порадовалась, что всё прошло в целом неплохо, когда услышала скрип. Тимофей как раз поворачивал у приготовленной для испытаний доски. Левое переднее колесо поднялось на неё, и звук повторился.

- Стой! - крикнул Лейтнер.

Механик затормозил и заглушил двигатель. Мы собрались возле передней оси. Тимофей первым заметил потёртость.

- Покрышкой за раму задело.

На внутренней стороне шины чернел свежий след. Ответная полоса осталась на продольной балке. Александр Александрович присел и провёл пальцем по месту касания.

- Без груза проходило, - произнёс он с досадой.

- Колесо выше поднялось, - отозвался Костович.

Я наклонилась, разглядывая зазор. Когда рессора осела, рама приблизилась к оси, а на повороте шина оказалась под балкой. Доска добавила как раз ту величину хода, которой не хватало для соприкосновения.

- Обе стороны проверяли при таком положении? - спросила я.

Лейтнер покачал головой.

- На вывешенной оси проверяли. С грузом вчера поворачивали на полу.

Он выпрямился и подозвал помощника, чтобы тот принёс мерительную линейку.

Я отошла, освобождая место возле колеса. Было, конечно же, досадно, однако ничего страшного не произошло. Если бы решили сразу выехать на дорогу за заводом, и разогнаться, этот скрип мог окончиться порванной покрышкой.

Александр Александрович попросил разгрузить переднюю часть, после чего машину осторожно скатили с доски. Мы поочерёдно проверили оба колеса, повторили поворот с грузом и без него.

С правой стороны шина тоже подходила к раме опасно близко.

- Придётся ограничить поворот, - решил Лейтнер. - Для сегодняшней проверки этого хватит. Дальше посмотрим размеры передней оси и расположение балок.

- Разворачиваться станет труднее, - заметил Костович.

- Станет, но оставлять так нельзя.

В мастерской мы разложили лист на верстаке. Александр Александрович обозначил места касания и вписал снятые размеры. По рисунку колесу хватало места, пока я мысленно не подняла его относительно рамы и не повернула внутрь.

Вот и получили результат раздельной проверки. Ось рассчитывали, рулевое устройство испытывали, рессоры нагружали, а нужное сочетание положений упустили.

- В журнале следует отдельно отметить поворот при сжатой рессоре, - предложила я. - И когда одно колесо выше другого.

- Добавлю, - кивнул Лейтнер, снял очки и протёр их платком. - Для грузовой машины тоже.

Костович тем временем вернулся к автомобилю. Они с Тимофеем проверили, не повреждена ли покрышка глубже потёртого наружного слоя, и только после этого Александр Александрович занялся ограничителями.

- Расстроилась? - вполголоса спросил муж, стоявший рядом со мной.

- Есть немного.

- Она ведь поехала.

- Да, - вздохнула я. - И я уже успела мысленно отправить её в Париж на выставку, представила лица французов, как их челюсти пробивают пол в изумлении и восхищении.

Муж усмехнулся.

- Тогда хорошо, что колесо заскрипело здесь, а не там, вот бы позору было.

Я, представив эту картину, ткнулась лбом ему в плечо и печально хмыкнула.

***

Пока механики работали, Лейтнер пригласил нас в контору. Там было теплее. У печи сушились рукавицы, возле шкафа стояли несколько образцов велосипедных рам. Я устроилась за столом и, сняв перчатки, обхватила кружку с горячим чаем.

Александр Александрович вынул чертежи кузовов.

- С мастером я договорился, но до окончательной сборки рамы он просит не начинать подгонку нижних креплений.

- Разумно, - согласилась я. - Сегодня у нас как раз появилась причина ещё раз посмотреть переднюю часть.

Для грузовой машины предназначались простая кабина с крышей и дощатая платформа. Откидные борта следовало снабдить крепкими запорами. Скамья водителя, подножки, место для инструмента. От сложной отделки я отказалась давным-давно.

С «Победой» предстояло повозиться дольше.

Положив рядом общий вид, я указала на закругление задней части.

- Здесь мастер согласился сохранить форму?

- Согласился, но просил передать, что за неделю такого не сделает.

- Какие сроки он обозначил?

- Для грузовой кабины и платформы от четырёх до шести недель после получения окончательных размеров. Если будем беспрестанно что-нибудь менять, срок увеличится.

Я сделала пометку в своём блокноте.

- А «Победа»?

- Три месяца. Может понадобиться четвёртый. Двери, стёкла, подгонка обшивки… Он хочет сначала собрать деревянный остов и показать его вам.

- Добро, - кивнула я и сделала осторожный глоток горячего чая.

Весь кузов из стали мы пока не вытягивали. Для этого потребовалось бы оборудование, о покупке которого сейчас и думать не стоило. Несущий остов решили делать из выдержанного ясеня, металлическую обшивку подгонять по деревянным шаблонам. Отдельные участки сложной формы предстояло выколачивать вручную.

Каретные мастера умели работать с такими материалами. Трудность заключалась в том, чтобы они выдержали наши размеры и не добавили лишнего веса, пытаясь сделать понадёжнее каждое соединение.

- В смете вес кузова указан? - уточнила я.

- Указан. К тому же мастер пообещал взвешивать готовые части.

- Хорошо, - одобрила я.

До сих пор я требовала уложиться в пятьдесят пудов вместе с пассажирами и горючим. После установки настоящих деталей эта цифра начала беспокоить меня сильнее. На бумаге мы охотно отдавали запас тому или иному узлу, а при сборке выяснилось, что запас этот давно потрачен.

- На отделке сэкономим вес, если понадобится, - проговорила я. - В сиденьях должно быть удобно, но резьба на деревянных частях нам не нужна.

Костович, вошедший в контору, услышал последние слова.

- Вот это верно, Александра Николаевна. А то поставят диван, как у меня в гостиной. Его четверо рабочих еле с места сдвигают, - Огнеслав Степанович сел, вытянул ноги к печи и потёр ладони, согревая окоченевшие пальцы. - Ограничители поправили. Сейчас ещё раз всё проверят.

Я же вернулась к своим записям.

Если грузовая машина получит кабину и платформу в январе, мы успеем испытать её зимой. Второй двигатель ещё предстояло закончить и доставить из Петербурга, зато значительную часть решений уже проверили на первом.

С «Победой» выходило сложнее. Кузов будет готов к марту, а при задержке к апрелю. Затем потребуется время на окончательную сборку и дорожные испытания. Если готовить машину к зарубежному показу, свободных недель почти не останется.

- Вы всё-таки намерены везти экипаж во Францию? - спросил Лейтнер, заметив название города в моём блокноте.

- Намерена. Обе машины, если удастся договориться о показе грузовой.

Александр Александрович открыл ящик стола и вынул газетную вырезку на французском.

- Здесь пишут о будущем состязании. Я хотел вам показать.

Я прочла заметку, задумалась, прикидывая… После летнего испытания экипажей на пути из Парижа в Руан французы готовили новое, гораздо более длинное. Предлагался маршрут до Бордо и обратно. При состязании намеревались устроить выставку, чтобы публика могла осмотреть машины.

Я помнила этот пробег. Название встречалось мне в прежней жизни, когда я читала об истории первых автомобилей. Подробности, конечно же, выветрились, но не беда. Поучаствовать непременно стоило. Итак, протяжённость пути тысяча двести километров.

- Приличное расстояние, - заметил Пётр.

- Да, - согласилась я.

- Вы собираетесь участвовать? - Лейтнер посмотрел на меня поверх очков.

- Надо бы разузнать точные условия.

- О них ещё совещаются, - пожал плечами Александр Александрович.

- Значит, нужно следить за происходящим, чтобы успеть подать заявление.

Костович, слушавший нас, возмущённо вскинулся:

- Александра Николаевна, вы ведь только что видели, сколько у нас работы! Боюсь, это соревнование наш автомобиль не пройдёт.

- Пройдёт, мы подготовимся и решим все вопросы. Но выступить обязаны, пусть знают, что русские ничуть не отстают в прогрессе. А даже превосходят! - фраза получилась несколько пафосной, но меня распирало и хотелось всем конкурентам утереть нос.

Мне было мало выставить автомобиль перед публикой, выслушать похвалы и вернуться домой с несколькими газетными заметками. Я хотела вернуться с победой, чтобы наш триумф разошёлся далеко за пределы той же Франции.

Мы подготовим экипаж так, чтобы он выдержал дорогу и пришёл к финишу раньше соперников. Первая премия дала бы нашему ещё строящемуся производству известность, на которую при обычной торговле ушли бы годы.

Вслед за Парижем я наметила Всероссийскую выставку в Нижнем Новгороде. Она должна была состояться в девяносто шестом году, и туда следовало ехать уже с машинами, которые можно предлагать покупателям. Я хотела получить высшую награду для нашего производства, привлечь крупных заказчиков и вернуться с договорами, под которые можно будет расширять мастерские.

Но мечтать не вредно, как говорится, вредно не мечтать. В мыслях всё получалось быстрее, чем на деле.